

Матвеев Олег Владимирович

доктор исторических наук,
профессор кафедры дореволюционной
отечественной истории
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**К ПРЕОДОЛЕНИЮ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ТУПИКА
В ИЗУЧЕНИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ:
КОНЦЕПЦИИ
ВЗАИМОПОЗНАНИЯ [1]**

Аннотация:

Статья посвящена характеристике современных историко-антропологических подходов к явлению Кавказской войны, которые позволяют преодолеть историографический тупик в оценке и анализе этой противоречивой эпохи в истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. Акцент сделан на направления, связанные с этнографией войны, теорией «контактных зон», «фронта», «российскости», империологии.

Ключевые слова:

Кавказская война, историография, империя, горцы, военно-административный аппарат.

Matveev Oleg Vladimirovich

D.Phil. in History,
Professor of the Pre-revolutionary
Russian History Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

**CONCERNING BREAKING OF
THE IMPASSE
IN THE HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF
THE CAUCASIAN WAR: CONCEPTIONS
OF INTERACTIVE LEARNING [1]**

The summary:

The article describes the contemporary historical and anthropological approaches to the phenomenon of the Caucasian war, which allows to break the impasse in the historiographical evaluation and analysis of this controversial epoch in the history of relations between Russia and the peoples of the Northern Caucasus. The author emphasizes the areas related to the ethnography of the war, the theory of contact zones, frontier foundation, focuses on Russia, imperial designs.

Keywords:

Caucasian war, historiography, Empire, highlanders, military-administrative staff.

Сегодня перед российским кавказоведением стоит задача не углубления межцивилизационных разломов, а преодоления их. Необходимо, наконец, осознать старую как мир истину: постижение другого есть познание себя. Только стремление к познанию и уважению «другого» по мысли выдающегося современного кавказоведа В.В. Дегоева, «дает робкую надежду, что на Кавказе “войны национальных историй постепенно угаснут и уж во всяком случае, не перерастут в войны национальных армий”» [2, с. 34]. Противостояние версий о жестокой колониальной политике царской России и о провоцирующей роли дикого разбойничьего мира горцев, от которого Россия вынуждена была обороняться, приводит лишь к накоплению стандартного набора аргументов без всякого движения вперед. Поэтому заслуживают внимания концептуальные усилия последних десятилетий, часто не заметные на фоне продолжающейся войны историографий, но несущие позитивный заряд, способный помочь в преодолении историографических тупиков. В этих концепция Кавказская война рассматривается не как поле классического вооруженного столкновения, а как пространство сложного, и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции и навыки [3].

Один из выходов из историографического тупика видится нам в широком применении антропологических подходов к явлению Кавказской войны, демонстрируемых в последние десятилетия рядом исследователей, в том числе в развитии такого исследовательского направления, как этнография войны. Как отмечает Н.И. Бондарь, это многокомпонентная предметная область, которая «включает в себя не только этнический состав воюющих сторон, но и все блоки и компоненты культуры, как традиционные, так и инновационные», демонстрирующие этнокультурное своеобразие. В области материальной культуры это направление может быть представлено изучением рода военных занятий, адаптации к военно-бытовой повседневности (жилище, одежда и вооружении, система питания и другое); в области соционормативной культуры – исследованием взаимодействий и противоречий между обычаями и «законами военного времени»; в духовной культуре – исследованиями лексики, фольклорных форм, мировоззренческих представлений о войне, формируемых как на основе традиционных пластов, так и инновационных текстов [4, с. 147–154; 5, с. 179–182]. Несколько ранее В.А. Тишков попытался определить предметные области этнографии войны как «неповторимую по своему рецепту культуру выживания, которая вбирает в себя многие элементы экономики, психологии и политики, мобилизованные социально культурные институты и ежедневные новации» [6], «одну из форм жизни в ее крайне противоречивых и драматичных проявлениях»: бой, плен, победы, песни, слухи и прочее [7], «трудно уло-

вимум, но реально существующую связь между миром жизни и миром смерти, когда феномен насилия, бесспорно, демонстрирует свою принадлежность к сфере жизненных проявлений» [8], образы врага [9], религию на войне, этнографию заложничества и другое.

Из современных исследований, приближающихся к данному направлению, остановлюсь на двух: монографии петербургского ученого Владимира Викентьевича Лапина о русской армии в Кавказской войне и книге одного из самых талантливых молодых ученых Кабардино-Балкарии Асланбека Марзеева о военном быте черкесов в XVIII – первой половине XIX в. Лучшее всего автору удалось как раз разделы, связанные с характеристикой историко-психологического типа солдат, офицеров и генералов Отдельного Кавказского корпуса, формирования особой военной общности «кавказцев». По его мнению, «постоянство» войны, необходимость адаптации к реалиям края способствовали превращению Отдельного Кавказского корпуса в некий субэтнос, заметно отличающийся и своим бытом и ментальностью от остальной императорской армии. Русская армия на Кавказе оказалась вовлеченной в процесс формирования культуры фронта, элементы которой вступали в противоречие с уставными нормативными требованиями. Русская армия приспосабливалась к местным условиям, считает В.В. Лапин, не считаясь с тем, что все адаптационные меры в области обмундирования, фортификации, тактических установок и т.д., либо не утверждались, либо закреплялись в нормативных актах со значительным опозданием. В то же время, считает автор, вооруженные силы России и военная организация горцев имели различные знаковые системы и не могли найти общего языка [10]. К сожалению, история Отдельного Кавказского корпуса подается в книге лишь через призму военного противостояния с горцами. Вне исследовательского интереса В.В. Лапина оказалась созидательная деятельность кавказских войск в сфере хозяйственного освоения региона, его духовного развития, роль «кавказцев» в установлении взаимопонимания с местными народами. Результаты этой мирной миссии Отдельного Кавказского корпуса, как это прекрасно показал в своей кандидатской диссертации и монографии О.С. Пылков, были не менее внушительны, нежели лежащие на поверхности бои за Ахульго, Дарго, Гуниб или покорение Западного Кавказа [11]. Не менее внушительной выглядит роль Кавказской армии в создании собственно научного кавказоведения, в развитии в ее рамках интеграционных возможностей литературы, искусства музееведения и прочего [12].

Асланбек Марзеев – яркая, талантливая и в то же время трагическая фигура в современной этнографии Кавказской войны. Изучая воинскую систему ценностей горцев, он совершенно обоснованно оперирует понятием «культура войны». Несколько идеализируя «рыцарский кодекс» черкесского общества, ученый не скрывал, что в ходе противостояния на Западном Кавказе партизанский характер ведения военных действий во многом сказался на трансформации этикета черкесского наездничества, заставил «употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали из духа народа» [13, с. 137]. Сколько у нас было сломано копий в отношении моральных оценок обычаев, связанного с отрубанием голов у убитых противников в годы Кавказской войны. Асланбек Марзеев взвешенно, с глубокими историческими экскурсами вплоть до «Илиады» Гомера, показывает, что этот обычай бытовал у многих народов, на Кавказе имел ритуальный характер и был связан с представлениями о том, что душа убитого не могла мстить убийце [14, с. 147]. Объективный спокойный антропологический подход исследования помогает прояснить многие спорные моменты кавказского противостояния и уйти от крайностей.

Весьма перспективной представляется теория «контактных зон», активно разрабатываемая как на зарубежном, так и на отечественном историческом материалах. Востребованным в данном случае предстает и опыт военно-исторической антропологии США, связанный с изучением фронта американской истории (Ф. Тернер, Е. Фернисс, Д. Херман, Д. Брукс и другие). Перемещение внимания от изучения противоборства переселенцев из Старого Света и индейских обществ в сторону социокультурных контактных зон позволило американским историкам и антропологам отслеживать культурное взаимовлияние коренных американцев и бывших европейцев. Исследования не просто истории военного расширения границ США, а людей (агентов), втянутых в эти конфликты (*agens of conflict*), помогли преодолеть взгляд на коренных американцев лишь как на людей, в лучшем случае, «благородных и обреченных» (*as noble and doomed*), выявить многослойные контактные зоны (*multi-layered contact zones*), сообщества, которые шли навстречу друг другу по пути «примирения и культурного переопределения» (*conciliation and cultural redefinition*) [15; 16; 17]. В отечественной историографии концепция «контактных зон» активно разрабатывалась медиэвистами (В.Д. Королюк, Е.А. Мельникова). В современном историческом кавказоведении ее приверженцами являются Л.С. Гагагова, В.В. Черноус, Д.И. Олейников [18; 19; 20, с. 8–9; 21], призывают преодолеть ограниченность самостоятельного развития этой концепции и интегрировать ее подходы с концептом фронта окраин российского государства Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе [22]. Представляется, что концепция «контактных зон» далеко не исчерпала своих возможностей в изучении антропологии и истории Кавказской войны. Преодолев

лежащее на поверхности прямолинейное рассмотрение конфликта как вооруженного противостояния «всей» Российской империи со «всеми» горцами, это научное направление предпочитает говорить не о жестком барьере, разделяющем царскую Россию и кавказские народы в 1820-е – 1860-е гг., а о встрече культур на фоне цивилизационного разлома [23]. При таком подходе исследовательский акцент делается не на соперничество, а на взаимодействие в рамках «контактной зоны». В реалиях Кавказской войны подобные «контактные зоны» отражают не только трагическую двойственность мировосприятия людей, оказавшихся сразу в двух несхожих культурах, но и выступают связующим звеном в общении российского и кавказского миров, постепенно превращающего разлом цивилизаций в срастающийся шов. Возьмем, например, такой институт Кавказской войны, как лазутчики. «Своим среди чужих, чужим среди своих» лазутчик был одновременно для обеих сторон, участвовавших в конфликте. Официальный язык Кавказской войны («продажный», «алчный», «коварный» и др. в глазах русских; «хлебающий свиной суп», «поганный», «гяурский всадник» и т.п. в глазах горцев) не всегда позволяет объективно оценить константы бытования института лазутчиков. Между тем пограничное положение последнего способствовало превращению «границы-фронта» войны в «границу-контактную зону» (фронт). Вместе с другими подобными контактными зонами, этот институт работал, в конечном счете, на интеграцию, оформление единого российско-кавказского историко-культурного пространства. Лазутчики брали на себя большой нравственный груз, который самым драматическим образом сказывался на судьбах этих людей. Но при всей противоречивости мотивов тайных контактов в своем большинстве они способствовали пониманию и сближению позиций конфликтующих миров, формированию заинтересованности и взаимоуважения [24].

Выявление и анализ «контактных зон» показывает, что в истории Кавказской войны и ее трагических последствий имеются страницы, сближавшие наши народы, эпизоды сотрудничества, которые сложнее, богаче и многообразнее любых идеологических штампов. Правда, изучение этих событий требует не скороспелых пропагандистских сочинений, а кропотливой работы с источниками, без обвинений и покаяний. Во взаимоотношениях между людьми, представлявшими враждебные лагеря в кавказском противостоянии, не раз действовали понятные для всех народов человеческие добродетели – человеколюбие, взаимоуважение, чувство благодарности. Отражая состояние и потребности души солдат Отдельного Кавказского корпуса, казаков и горцев, эти качества приобретали особый смысл на фоне неизменных спутников любой войны – грязи, жестокости и вероломства [25, с. 64–79].

Концепция «контактных зон» во многом сближается с принимаемой и применяемой рядом современных кавказоведов теорией «фронтала». Правда, груз идеологического воздействия на историческое кавказоведение здесь продолжает сказываться настолько, что в некоторых случаях «фронт» обещает перерасти в историографический «фронт», поскольку для одних «фронт» предстает своеобразной лазейкой, призванной обосновать преимущественно конфронтационный характер формирования российского Северного Кавказа, другим позволяет осмыслить механизмы исторической обусловленной интеграции [26, с. 72]. Последняя позиция представлена в современном кавказоведении Школой В.Б. Виноградова, которая отстаивает концепцию «российскости» как парадигму северокавказского историко-культурного единства в составе России. Концепция «российскости», по мысли ее авторов, предполагает осмысление механизма вхождения Кавказа в этнокультурное пространство России как глобальную predeterminedность, тесную сопричастность, «совместничество», как взаимное тяготение во всех сферах исторического бытия [27, с. 6]. Исследовательскими усилиями В.Б. Виноградова, С.Л. Дударева, Н.Н. Великой, Ю.Ю. Клычникова, Б.В. Виноградова и др. концепция была творчески применена к изучению российско-чеченских отношений, к западнокавказскому материалу, прошлому северокавказского казачества, вехам вхождения Кавказа в состав России в целом, конкретным персоналиям, историко-культурным, литературным, научным реалиям региона и другое [28; 29; 30; 31; 32; 33]. На сегодняшний день встречаются самые разные оценки концепции «российскости», в том числе и крайние, которыми движет чувство неприязни, плохо скрываемой зависти и воинствующего экстремизма [34]. Не со всеми подходами разработчиков этой концепции применительно к истории Кавказской войны можно однозначно согласиться – это слишком многогранная, неоднозначная и необъятная проблема с разнородными явлениями, которые весьма сложно встроить в жесткую концептуальную схему. Однако представляется вполне справедливым емкое определение, данное ногайским ученым Рамазаном Хусиновичем Керейтовым и адыгейской исследовательницей Светланой Давлетбиевной Шаовой научно-педагогическому потенциалу коллектива: «Школа дружбы народов» [35, с. 86–87]. И действительно, сама постановка жгучих проблем современного кавказоведения, целая палитра предлагаемых вариантов решения, свежих идей и оценок, воспитание новых, ищущих и талантливых, интернациональных кадров кавказоведов – несомненная

заслуга грозненско-армавирской Школы, вдохновленной парадигмой «российскости». Поэтому ее позитивный потенциал также необходимо задействовать в современных изысканиях.

Весьма перспективным применительно к истории военного противостояния на Кавказе выступает направление, получившее название империология. Империологические исследования дают наглядные примеры интеграционного воздействия имперского ядра на национальную периферию. Изучение арсенала стратегических средств Российской империи по вовлечению в ее орбиту различных национальных и сословных элементов на конкретных фамильных и семейных хрониках позволяет лучше понять феноменологию российской и кавказской элиты, сложный мир идентичностей в пространстве Северного Кавказа [36, с. 19–31; 37, с. 37–62; 38, с. 21–29]. В современной западной историографии Российская империя также нередко оценивается как фактор мира, процветания и глобального обмена идеями; империям вообще оказывается свойственно чувство ответственности за проживающие на имперской территории народы в гораздо большей степени, чем демократическим колониальным державам Европы [39, с. 124; 40, с. 317].

Осмысление и внедрение в практику кавказоведения современных научных направлений, которые условно можно обозначить как концепции «взаимопознания», будет способствовать творческому поиску ответов на суровые вызовы времени, позволит избежать крайностей в непростой картине взаимоотношений наших народов, поможет преодолеть эгоистические и конфронтационные подходы к историческому прошлому и духовному наследию многонационального Российского государства.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по проекту «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).
2. Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной науч. конф. МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. М., 2007.
3. Там же. С. 30.
4. Бондарь Н.И. «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 100-летию начала Русско-японской и 90-летию Первой мировой войны. Краснодар, 2004.
5. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.
6. Там же. С. 357.
7. Там же. С. 356.
8. Там же.
9. Там же. С. 358.
10. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 378–379.
11. См.: Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Армавир, 2011.
12. См.: Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011.
13. Марзей А.С. Черкесское наездничество – «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). М., 2000.
14. Там же. С. 147.
15. Тернер Ф.Д. Фронт в американской истории / пер. с англ. Л.И. Петренко. М., 2009.
16. Brooks J.F. Captives & Cousins: Slavery, Kinship, and Community in the Southwest Borderlands. Chapel Hill, 2002.
17. Hegan D.J. Native American Representation. By Bataille, Gretchen M. The Western Historical Quarterly. 2003. Vol. 34. № 1. Spring.
18. Гатагова Л.С. Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1998.
19. Черноус В.В. Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые тенденции // История: научные поиски и проблемы. Ростов н/Д., 2000.
20. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д., 2012. С. 8–9.
21. Олейников Д.И. Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / под ред. Е.С. Сенявской. М., 2002.
22. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Указ. соч. С. 9.
23. Олейников Д.И. Указ. соч. С. 230.
24. Матвеев О.В. Указ. соч. С. 44–56.
25. Матвеев О.В. «Казачки высказали замечательное добродушие и человеколюбие...». К вопросу о последствиях Кавказской войны // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д., 2010.
26. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011.
27. Виноградов В.Б. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Книга регионоведческих статей, очерков и зарисовок / под ред. С.Л. Дударева. М.; Армавир, 2006.
28. Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. Армавир, 2003.

29. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / под ред. и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010.
30. Очерки истории Российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX века / под ред В.Б. Виноградова. Славянск-на-Кубани, 2010.
31. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.
32. Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009.
33. Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начала XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012.
34. Баудинов И. В.Б. Виноградов, кавказоведческая школа академика В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа. URL: <http://ran55.livejournal.com/2781.html> (дата обращения: 11.10.2013).
35. Шаова С.Д., Баисова М.В. Школа дружбы народов // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы (материалы к заседанию «круглого стола» в честь 10-летия педагогической деятельности в Армавирском госпединституте). Армавир, 2012.
36. Матвеев О.В. Семейная история через призму империологии // Российско-польский исторический альманах. Вып. V. Ставрополь, 2011.
37. Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30–50-е годы XIX века: история повседневности // Кубанский сб. Т. III (24) / под ред. А.М. Авраменко, Г.В. Кокунько. Краснодар, 2008.
38. Матвеев О.В. Великий князь Михаил Николаевич на завершающем этапе Кавказской войны // Былые годы. Черноморский исторический журнал. Сочи, 2009. № 3 (13).
39. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год): учеб. пособие. М., 2009.
40. Адиб Халид. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

References and notes:

1. *The paper was performed with financial support from the Ministry of Education and Science (Russia) as a part of the federal special-purpose program "Scientific, academic and teaching personnel of innovative Russia" for 2009 – 2013; subject "Russia's policy in Caucasus in past and present: data base, interpretations and countermeasures on perversion of history", agreement 14.B37.21.0966*
2. Degoev, VV 2007, 'Socio-political challenges of the XXI century and the development of the Russian Caucasus Studies', *Caucasus in Russian politics: history and modernity. Proceedings of the international scientific. conf. (University) MFA Russia 16-17 May 2006*, Moscow.
3. Degoev, VV 2007, 'Socio-political challenges of the XXI century and the development of the Russian Caucasus Studies', *Caucasus in Russian politics: history and modernity. Proceedings of the international scientific. conf. (University) MFA Russia 16-17 May 2006*, Moscow, p. 30.
4. Bondar, NI 2004, "Nedosmotrenny dream nedozhitaya life" (To ethnography of war)', *Russian society and the war of the twentieth century: Materials of All-Russian scientific-practical. conf. dedicated to the 100th anniversary of the Russian-Japanese War and the 90th anniversary of the First World War*, Krasnodar.
5. Tishkov, VA 2001, *Society in armed conflict (ethnography Chechen war)*, Moscow.
6. Tishkov, VA 2001, *Society in armed conflict (ethnography Chechen war)*, Moscow, p. 357.
7. Tishkov, VA 2001, *Society in armed conflict (ethnography Chechen war)*, Moscow, p. 356.
8. Tishkov, VA 2001, *Society in armed conflict (ethnography Chechen war)*, Moscow, p. 356.
9. Tishkov, VA 2001, *Society in armed conflict (ethnography Chechen war)*, Moscow, p. 358.
10. Lapin, VV 2008, *Russian army in the Caucasus War XVIII-XIX centuries*, St. Petersburg, pp. 378-379.
11. See: Pylkov, OS 2011, *The Russian army in the transformation processes in the North Caucasus (the end of XVIII - first half of XIX century)*, Armavir.
12. See: Tkachenko, DS & Kolosovskaya, TA 2011, "We did not fight in the Caucasus in order to beat the enemy and leave ...". *Socio-cultural activities of the Caucasian Army (according to the recollections and research sovremnikov)*, Stavropol.
13. Marzei, AS 2000, *Circassian horsemanship - "Zeklue" (From the history of military life chekesov in XVIII - first half of XIX century.)*, Moscow.
14. Marzei, AS 2000, *Circassian horsemanship - "Zeklue" (From the history of military life chekesov in XVIII - first half of XIX century.)*, Moscow, p. 147.
15. Turner, FD 2009, *Frontier in American History*, Petrenko, LI (transl.), Moscow.
16. Brooks, JF 2002, *Captives & Cousins: Slavery, Kinship, and Community in the Southwest Borderlands*, Chapel Hill.
17. Herman, DJ 2003, *Native American Representation. By Bataille, Gretchen M. The Western Historical Quarterly*, vol. 34, no. 1.
18. Gatagova, LS 1998, *Contact zones in the history of Eastern Europe*, Moscow.
19. Chernous, VV 2000, 'Cultural and civilizational interaction in the North Caucasus: History and some trends', *History: scientific research and issues*, Rostov n / D.
20. Hlynina, TP, Krinko, EF & Urushadze, AT 2012, *Russia's North Caucasus: historical experience and control the formation of regional boundaries*, Rostov n / D, pp. 8-9.
21. Olejnikov, DI 2002, 'Cultural Contradictions of bilingualism: features psychology Russian officer during Highlander Large Caucasian War', *Military Historical Anthropology. Yearbook 2002. Subject, tasks and prospects of development*, Sieniawska, ES (ed.), Moscow.
22. Hlynina, TP, Krinko, EF & Urushadze, AT 2012, *Russia's North Caucasus: historical experience and control the formation of regional boundaries*, Rostov n / D, p. 9.
23. Olejnikov, DI 2002, 'Cultural Contradictions of bilingualism: features psychology Russian officer during Highlander Large Caucasian War', *Military Historical Anthropology. Yearbook 2002. Subject, tasks and prospects of development*, Sieniawska, ES (ed.), Moscow, p. 230.
24. Matveev, OV 2010, "The Cossacks were of great kindness and humanity ...". On the question of the consequences of the Caucasian War', *The Cossacks of Russia: Past and Present*, issue 3, Rostov n / D, pp. 44-56.
25. Matveev, OV 2010, "The Cossacks were of great kindness and humanity ...". On the question of the consequences of the Caucasian War', *The Cossacks of Russia: Past and Present*, issue 3, Rostov n / D.

26. Priymak, Y 2011, *North-eastern Black Sea coast in the internal and external processes of formation of the southern borders of Russia (end of XVII - the first third of the XIX century.)*, Armavir.
27. Vinogradov, VB 2006, *Russia's North Caucasus: facts, events, people. Book on regional studies, articles and essays and sketches*, Dudarev, SL (ed.), Moscow, Armavir.
28. Vinogradov, VB 2003, *Russia and the North Caucasus: History in the mirror of literature*, Armavir.
29. Vinogradov, VB (ed.) 2010, *North Caucasus since ancient times to the early twentieth century (historical and ethnographic essays)*, Pyatigorsk.
30. Vinogradov, VB (ed.) 2010, *Essays on the History of the Russian North Caucasus second half of XVI - mid XIX century*, Slavyansk-on-Kuban.
31. Klychnikov, YY 2002, *Russian policy in the North Caucasus (1827-1840 gg.)*, Pyatigorsk.
32. Vinogradov, BV 2009, *Integrative projects and disintegrating factors in the Russian North Caucasus, mutual relations late XVIII - early XIX century*, Slavyansk-on-Kuban.
33. Vinogradov, BV, Vinogradov, VB & Klychnikov YY 2012, *Russian authorities and highland traditional way: Essays on interaction at the end of XVIII - beginning of XXI century*, Slavyansk-on-Kuban.
34. Baudin, I & Vinogradov, VB 2013, *kavkazovedcheskaya school of Academician Vinogradov, the history of peoples of the North Caucasus*, retrieved 11 October 2013, <<http://ran55.livejournal.com/2781.html>>.
35. Shaova, SD & Baisova, MV 2012, 'School of Friendship of Peoples', *Kavkazovedcheskaya school VB Vinogradov: formation, Present and Prospects (materials for the meeting of the "round table" in honor of the 10th anniversary of teaching activities in Armavir State Pedagogical Institute)*, Armavir.
36. Matveev, OV 2011, 'Family history through the prism imperiologii', *Russian-Polish historical almanac*, issue V, Stavropol.
37. Matveev, OV 2008, 'Poles in strengthening the Black Sea coastline in the 30-50s of the XIX century: the history of everyday life', *Kuban Sat*, vol. III (24), Avramenko, AM & Kokunko, GV (ed.), Krasnodar.
38. Matveev, OV 2009, 'Grand Duke Mikhail Nikolayevich at the final stage of the Caucasian War', *Former years. Sea History magazine*, Sochi, no. 3 (13).
39. Degoev, VV 2009, *Introduction to the political history of the North Caucasus (XVI century - 1917)*, allowance, Moscow.
40. Adeeb Khalid 2005, 'Russian history and debate about Orientalism', *Russian empire in foreign historiography. Work in recent years: an anthology*, Werth, P, Kabytov, PS & Miller, AI (comp.), Moscow.